

ЗЕМСКИЙ НАЧАЛЬНИК: ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Е. В. Мамонт

В статье на основе мемуаров земских начальников представлены их мотивы поступления на должность, деятельность, отношение к власти, к проблемам службы и крестьянскому вопросу. Рассмотрена неоднородность состава земских начальников. Обозначены недостатки статуса земского начальника в дворянской среде и двойственное отношение представителей власти к занимающим эту должность. Выявлены проблемы в восприятии служебных задач и сложность взаимоотношений с коллегами. Описано отношение к проблемам крестьянства. Выяснены главные недостатки закона о земских начальниках. Подведены итоги службы земских начальников и их личная оценка полученного опыта.

Ключевые слова: земский начальник, мемуары, крестьянство, власть и общество, дворянство, история, консерватизм, реформы, Российская империя.

Институт участковых земских начальников, введенный в России императором Александром III законом от 12 июля 1889 года, долгое время рассматривался как безусловно архаичная структура, призванная решить несколько задач: усилить власть на местах и возвысить престиж теряющего позиции дворянства, при этом установить жесткий административный контроль за крестьянами. Еще в дореволюционной литературе земские начальники подвергались критике со стороны либеральной печати. Особенно же безапелляционно это преобразование было оценено в советской историографии, обозначившей период правления Александра III как реакционные «контрреформы». В постсоветской историографии оценки как личности, так и правления императора стали гораздо разнообразнее, от традиционно критических до апологетических. Смягчилась и терминология: все чаще вместо носящего отрицательную окраску термина «контрреформы» встречаются замены его на более лояльный «период консервативной стабилизации» или просто «консерватизм». Нам представляется, что сложность оценки данного периода в целом и отдельных мероприятий, в частности, заключается и в том, что действия императора были продиктованы искренними намерениями улучшить жизнь населения и не менее искренним убеждением, что это вызовет благодарный отклик подданных. В сочетании с изменением оценки непосредственно личности Александра, имевшей и действительно привлекательные в человеческом плане черты, это не может не повлиять на многих исследователей в части критического отношения к осуществлению многих преобразований императора. Возросшая (не без участия историков) в обществе в последние годы популярность высказываний Александра III о России и ее месте в мире также наглядно об этом свидетельствует. Тем не менее, преобразования правительства Александра III имели для России самые серьезные и долговременные последствия, которые мы рассматриваем, в частности, на примере истории института участковых земских начальников.

В данной статье предпринята попытка описать земского начальника, его портрет и деятельность на основе мемуаров лиц, в разное время занимавших эту должность. Несмотря на то, что мемуары в

основном принадлежат перу лучших представителей этого института, со страниц их перед нами живо предстают разные типы земских начальников, что позволяет рассмотреть их с непривычного, но очень информативного ракурса. Оставляя за рамками данной статьи имеющиеся многочисленные статистические сведения, автор концентрирует внимание на личности и мыслях земского начальника, желая вызвать из небытия живые образы людей, о которых часто забывается за сухими цифрами справок и таблиц.

Вводя институт земских начальников, Александр III придавал их деятельности возвышенный ореол «попечителя» и даже «просветителя» крестьян, их справедливого судьи и мудрого руководителя в делах. Несомненно, император желал видеть на этой должности лучших представителей дворянства. Должность эта относилась к VI классу гражданской службы, приносила занимающему ее лицу 2200 рублей в год денежного содержания и, в некоторых случаях, дополнительные средства для исполнения особых задач. Так, в период землеустроительных работ по реформе А. П. Столыпина, земские начальники могли получать дополнительно до 4 рублей в сутки разъездных денег. Несмотря на встречающиеся жалобы земских начальников о малом размере жалования, в общем размере его нельзя назвать незначительным. При изучении формулярных списков кандидатов на должность земского начальника, переходящих на нее с военной службы, видно, что в полку, в зависимости от звания, они получали в среднем минимум в два раза меньше (например, земский начальник Уфимской губернии Григорьев, будучи офицером, получал всего 620 руб. в год). Многочисленность служебных обязанностей делала данную должность достаточно хлопотной, требовала постоянных разъездов, частую пребывания в некомфортных условиях и уже по этим мотивам она была не престижной. Иногда в литературе введение должности земского начальника оценивается как попытка поддержать самые необеспеченные слои дворянства, не имеющие иных средств, кроме жалования. Преимущественно такую категорию мы и видим на данной службе. Тем не менее, служба земским начальником в условиях затрудненного карьерного роста в Российской

империи могла стать ступенькой для относительно быстрого и значительного должностного повышения вплоть до губернатора. И это обстоятельство привлекало на нее уже иную категорию дворян. Искренне звучат слова будущего пермского и пензенского губернатора И. Ф. Кошко: «<...> это было случаем отличиться и добиться, наконец, назначения на должность вице-губернатора, мечта о которой не оставляла меня <...> в течение 15 лет. Служба моя сначала земским начальником, а потом непременно членом Губернского присутствия протекала очень удачно и я завоевал себе репутацию хорошего работника, добросовестно относящегося к делу. И тем не менее <...> я оставался все тем же неприменным членом, не двигаясь к заветной цели, тогда как некоторые мои товарищи <...> получили давным давно высшее назначение. У них была протекция, у меня же ее не было» [4, с. 13]. Действительно вскоре И. Ф. Кошко получил должность самарского вице-губернатора, а всего через полгода достиг столь желаемого губернаторства.

Изучение мемуаров земских начальников наглядно показывает разницу в их мотивах поступления на службу. «Причина простая: сейчас мои дела требуют больше средств, чем я имею» — честно отвечал С. Р. Минцлов [5, с. 167]. «Поселился я (А. И. Новиков — Е. М.) в деревне и поступил на службу, чтобы вколотить в него (крестьянина — Е. М.) недостающую практическую мудрость и выбить ненавистные пьянство и лень» [7, с. 9]. «Летом 1890 г. я (С. Л. Толстой — Е. М.) оказался без определенного дела. В то время в Тульской губернии вводились земские начальники и решил поступить на эту должность <...>. Поступил же я потому, что хотел быть самостоятельным, интересовался жизнью крестьян и думал, что так как известное управление и суд необходимы в деревне, то я мог бы приносить известную пользу, действуя по возможности независимо от губернских властей и не применяя или смягчая применение одиозных статей нового закона» [9, с. 179—180].

Очень интересно свои причины излагает А. Н. Наумов, богатый дворянин из древнего рода, впоследствии ставший министром земледелия (10.11.1915 — 21.07.1916 гг.). Признанный после окончания юридического факультета Московского университета негодным к военной службе, он задумался о своей дальнейшей деятельности. При встрече со Ставропольским уездным предводителем дворянства Б. М. Тургеневым последний настойчиво звал его занять должность земского начальника в освобожденном участке. «Зная мою любовь к охоте и природе, он особенно подчеркивал красоту местности и изобилие в ней всяческой дичи» [6, с. 120]. Сначала А. Н. Наумов категорически отказался от предложения, твердо решив стать адвокатом. «Борис пришел от подобного ответа в состояние крайнего раздражения... Как? — воскликнул он — Наумову, да в «аблокаты» идти? Да ты с ума сошел!» <...> Подобное же, если не худшее отношение я встретил со стороны других ставропольцев-дворян, так что <...> был рад уехать» [6, с. 121]. «В Москве моя житейская деловая программа казалась мне естественной и достойной, здесь же, в Симбирске, она

вызывала у всех моих родных чувство недоумения и всеобщего порицания» [6, с. 122]. Но вскоре обстоятельства изменила влюбленность А. Н. Наумова в Марию (Маню) Белякову, подругу детства, на которой он решил жениться. Невеста настаивала на том, чтобы после свадьбы поселиться в деревне. «В этом отношении Маня была неумолима, доказывая мне, что пользу, которую я хочу принести простому народу, возможно наиболее полно осуществить именно, живя в деревне, среди самого населения. Узнав, что Борис Тургенев предлагал мне должность земского начальника, она посоветовала мне воспользоваться этим и немедленно принять такое назначение» [6, с. 124]. Через некоторое время Мария освободила жениха от обязательств, чувствуя непрочность возникших между ними чувств. Но на должность земского начальника он уже был назначен и в феврале 1893 года приступил к работе.

Совершенно иначе выглядит повествование В. А. Шомпулева, саратовского помещика преклонных лет, много лет прослужившего мировым судьей и губернским предводителем дворянства. Вот как объясняет он свои мотивы поступления на службу земским начальником в беседе с великим князем Сергеем Александровичем: «он <...> с удивлением спросил, как я решился в мои годы и после почетной службы принять на себя эту должность. Но я объяснил, что сделал это, не стесняясь своей последней должности губернского предводителя, желая отозваться на призыв почившего императора Александра III, который выразил желание, чтобы уездные предводители дворянства хотя бы на первое время приняли на себя обязанности земских начальников. После этого великий князь крепко пожал мне руку и сказал, что так рад меня видеть и что Государю будет приятно узнать обо всем этом, и он вам будет признателен» [11, с. 180]. Именно его воспоминания как нельзя более соответствуют тому образу земского начальника, который желал видеть Александр III. Почтительный монархист до мозга костей, но властный помещик в отношениях с «распущенными» крестьянами — именно таким предстает перед читателем образ В. А. Шомпулева. Обращает на себя внимание удивление великого князя, что человек с гораздо более высоким чином пошел служить земским начальником. И если у Шомпулева удивление со стороны высокопоставленного представителя власти не вызывает никаких сомнений, то совершенно иным выглядит эпизод, описанный В. Поливановым, ставшим земским начальником в одной из северных губерний уже в 1910 году. Земельным цензом он никогда не обладал и в провинции не жил. «Уже после окончания экзамена, в частном разговоре, он [управляющий земским отделом — Е. М.] спросил меня: что заставляет меня, кончившего юридический факультет, имеющего некоторые связи, имеющего, наконец, более или менее обеспеченный заработок, бросить все и идти в земские начальники в самую глушь России, в медвежий угол.

— Я люблю деревню и хотел бы ее ближе узнать, — ответил я.

Управляющий отделом долго пристально глядел на меня, как будто изучая и стараясь проникнуть

вглубь» и в итоге попросил дать справку, нет ли за Поливановым «каких-либо грехов» [8, с. 104]. «Уходя из кабинета, я думал <...> неужели же чиновник, стоящий во главе ведомства, не верит в возможность, чтобы человек с высшим образованием и ничем не подпорченной репутацией мог идти в земские начальники? <...> Какова же должна быть та действительность, в которую мне придется окунуться, если у познавшего ее на практике сановника возникают подобные сомнения!» [8, с. 104].

Указанная «действительность» нашла подробное описание в воспоминаниях земских начальников. Ее оценка сквозь призму характера, положения, возраста и убеждений автора настолько же разнообразна и интересна. Надо отметить, что почти все авторы до службы земским начальником имели только теоретические сведения о крестьянстве и его жизни. Тем интереснее их впечатление от столкновения с ними и влияние на их взгляды.

24-летний выпускник университета А. Н. Наумов приехал в деревню Ставропольского уезда Самарской губернии из Москвы. «Надо сознаться, что несмотря на обилие живого и интересного служебного дела <...> перемещение из Москвы в глухую деревню, далекую даже от своего родного угла, явилось крутым для всей моей молодой жизни поворотом, несомненно лишившим меня многого, к чему я стал органически в столице привыкать <...>» [6, с. 184].

При исходящей со всех страниц его воспоминаний симпатии к крестьянству А. Н. Наумов отмечает, что «действительными хозяевами деревни были не сельские сходы, а волостные и сельские писаря. Которые, совместно с обычно в то время малограмотными, а то и вовсе неграмотными, сельскими и волостными должностными лицами, почти бесконтрольно руководили всей местной крестьянской жизнью, внося хаос и бесправие во взаимоотношения членов общества в области землепользования. Всюду царствовало безудержное взяточничество, вевшееся в плоть и кровь народную настолько, что приняло характер как бы узаконенного обычая. Вино, деньги, хозяйственные припасы и пр. — все это давалось во всех тех случаях, когда требовалась для кого-либо или чего-либо т. н. «общественная санкция» [6, с. 198].

«Сходов в сущности нет, есть старшина, староста, земский и над всем этим царит водка», — писал В. М. Янович [12, с. 76].

В. А. Шомпулев же считал, что как раз общество командует своими старостами, но также отмечает повальное пьянство населения. «Крестьяне выбирали только таких старост и волостных старшин, которые были у них в полном подчинении, и общества держали кабаки или, сдавая их посторонним лицам, пропивали всю выручку, делаясь недоимщиками различных податей, которые, не без разорения для них, при бездействии этих должностных лиц выбивались уездной полицией» [11, с. 190].

Несколько иначе ситуацию описывает А. И. Новиков. «Никто не мог бы так влиять на все сельские дела, как староста, если бы он был на стороне начальства: у него вся родня тут же, он все знает, все видит. Способных на активное началь-

ствование поэтому сход не избирает, а избирает любого, преимущественно из многосемейных. <...> В некоторых деревнях выбирают недоимщиков, чтобы жалованием их покрыть недоимку» [7, с. 29]. «В противность старосте, обычно мало влияющему на жизнь крестьянина, волостной старшина в большинстве случаев играет в волости главную роль. <...> Власть его, влияние его громадны. На сходе что хочет, то и делает: захочет прибавки жалования, награды — получит единогласно; заведет гурт овец хоть в тысячу голов и будет пасти на крестьянских полях; затратит на общественную постройку 200 руб., заявит 500 — и сход утвердит 500. <...> Бывают старшины честные, смиренные, Бога боящиеся и людей стыдящиеся. Но влияние их небольшое. Такой редко прослужит более трех лет; интриговать он не умеет, а к выборам найдутся ловкие люди, которые и партию себе вином составят и старого старшину провалят, да большею частью такие и сами отказываются от дальнейшей службы; на них ведь жалоб больше бывает, чем на прежде описанных, да и начальство не особенно любит» [7, с. 33—34]. Пьянство он также отмечает, но оправдывает его тяжелыми условиями крестьянской жизни, от которых запил бы любой человек.

Отношения «с начальством» — вопрос актуальный не только для крестьянских должностных лиц, но и для самих земских начальников.

«В губерниях дворянских земский начальник поставлен в исключительно фальшивое положение. Стоит ему не понравиться дворянству, предводитель примет все меры по его устранению, ведь ему иначе и невозможно поступить, он сам зависит от дворянства. Справедливый земский начальник не может быть любим» — с горечью отмечал В. М. Янович [12, с. 93].

Подобную ситуацию едко описывает публицист В. Г. Короленко в своих очерках, касающихся деятельности земских начальников в одном из уездов Московской губернии. «Прежде всего мы узнали, что один из земских начальников, г. Бобоедов, — «скрылся» из Лукояновского уезда, оставив свой участок. Этого беглеца я видел перед своим отъездом в Нижнем-Новгороде и отчасти уже знал причины его «побега». Господин Бобоедов давно уже был «в контрах» и с предводителем, и с большинством своих сотоварищей, земских начальников. <...> Прибавьте к этому тысячи мелочных, назойливых, как комары, и, как комары, непобедимых неприятностей, которыми один человек, не попадающий в тон, преследуется ежедневно и ежечасно плотно спешейся партией уездных политиканов, и вы поймете, почему в один прекрасный день губерния была удивлена телеграммой о том, что земский начальник 1-го участка скрылся (!)... Оказалось, однако, что беглец явился в губернию и привез целый ворох бумажных стрел, которые вынудили его к побегу. Губернская власть не могла не сочувствовать положению единственного приверженца собственной системы в воинственном уезде, и г. Бобоедов получил новое назначение — председателем сергачской продовольственной комиссии. Там кормили, и политика г. Бобоедова была там ко двору...» [3, с. 100].

«Земские начальники были большие политики и предпочитали солидарность во мнениях с уездным членом солидарности с городским судьей. И вдруг нашелся земский начальник, который не только встает на сторону городского судьи, но и обосновывает свое мнение гораздо более веско, чем сам судья. Лисицын слушал меня с большим удивлением, — ничего подобного он не ожидал», — вспоминал В. Поливанов [8, с. 125].

Хорошие отношения с коллегами гарантировали легкую службу и благоприятные итоги ревизий деятельности земского начальника. Именно в ревизиях, точнее их формальном существовании, земские начальники-мемуаристы видели один из основных недостатков этого института.

«Слабая сторона обстановки деятельности земских начальников, являющаяся, к глубокому сожалению, дефектом всего служебного механизма империи, заключалась в отсутствии здоровой планомерной ревизии, которая объединяла бы работу на местах и содействовала бы в нужных случаях правильному и единообразному пониманию и применению соответствующих законоположений» — вывод А. Н. Наумова [6, с. 221].

«Контроля за нами никакого нет, <...> у нас нет даже правильной программы для составления отчетностей», — писал В. М. Янович [12, с. 86]. Ревизии уездных съездов он характеризует в нескольких словах: «В смысле наиболее рациональной глупости, дальше идти нельзя. <...> Собираются несколько земских и соблюдая приличную присутственному месту строгость в чертах своего лица, обсуждают вопросы: когда и кого удобнее проревизовать, а главное, как удобнее устроиться, чтобы это было и запопутье и никому не мешало [12, с. 106—107].

Аналогично высказывается А. И. Новиков: «О предводителе и его ревизиях земских начальников говорить нечего. Он дворянин местный, и они дворяне местные, его же избирающие. Ревизий нигде почти предводительских и не бывает, а если и бывает, то в форме дружеских бесед» [7, с. 38].

Что касается уездного съезда земских начальников как апелляционной инстанции для их же решений, то лучшую характеристику дал барон Н. Г. Жомини, назвав его «юридическим абсурдом» [1, с. 8].

Однако такое отношение касается лишь местного уровня. Положение чиновника, которого «трясут за воротник» из Министерства, требуя достижения определенных показателей любыми средствами, а также равнодушие к реальным проблемам населения не могло не вызывать негативного отношения добросовестного земского начальника.

В попытках защитить интересы крестьян своего участка, несправедливо притесняемых казенным ведомством, даже богатый и имеющий высокий социальный статус А. Н. Наумов получил холодный отказ от сановника — старинного друга семьи, которого «по неопытности своей пытался разжалобить» и «вступить за интересы своих мужичков». Огорченный вопиющей несправедливостью, он вспоминал: «Вот когда я поймал себя на зародившейся во мне острой неприязни к чертовой, себялюбивой бюрократии, и вот с тех пор

я понял, какая пропасть лежит между Царем с его столичными сановниками и народом с его нуждами и невзыскательной психологией» [6, с. 196]. «При взгляде на все, сравнительно такое недалекое прошлое, приходится с несомненностью установить тот факт, что столичные верхи того времени допускали непростительное легкомыслие при разрешении крупнейших проблем местного значения, как бы закрывая глаза на все то, в ту пору еще глухое, недовольство, которое зарождалось в народных низах <...>» [6, с. 201].

«Кусает губы от собственного стыда и жалости» к крестьянам — самовольным переселенцам в Сибирь, которых ему приказано вернуть на место, В. М. Янович. При этом он пространно рассуждает о своей незавидной участи исполнителя нелепых приказаний, тем более что в итоге крестьянам разрешается уехать [12, с. 70—71]. Неоднократно о своем несогласии с бюрократической машиной и о «нелепости» некоторых циркуляров пишет в своих записках В. Поливанов. Получив приказание обеспечить нужный результат выборов в Думу, он так описывает свое состояние: «Противен стал и Петров, и товарищи, и всех противнее сам себе! Все мечты о высокополезной деятельности летели кувырком. Не деятельность требуется от меня, не от нее зависит моя карьера!.. Губернатор имеет право давать мне подобные приказания и я не имею права чувствовать себя оскорбленным. Где скрылись грани, отделяющие губернатора от земского начальника и их обоих от охранного отделения!» [8, кн. 9—10, с. 29].

Подводя итоги своей службы на должности земского начальника, авторы единодушны в своих выводах. Это необходимость просвещения крестьянства в самом широком смысле, так как без поднятия культурного уровня никакие реформы не достигнут результата. Насилие и наказание они признали совершенно бесполезным средством.

«В моей практике за все четыре года пришлось лишь двоих старост уволить за пьянство при отпращивании ими своих служебных обязанностей. Применять к должностным лицам 61 ст. Положения о Земских участковых начальниках я не любил, предпочитая, вместо штрафованных, иметь во главе общества свежие силы, ничем себя не скомпрометировавшие. Также лишь в исключительно-редких случаях пользовался я своей дискреционной властью и по ст. 62 Положения, не желая зря притуплять острия предоставленного мне карательного меча и стараясь приучать население слушаться слова их начальника, а не страха наказания» [6, с. 219].

Даже В. А. Шомпулев, будучи властным помещиком, относившимся к своим крестьянам как к неразумному темному стаду, отмечал, что «во время моей службы, в продолжение которой я не только не допускал телесных наказаний по приговорам волостных судов, но даже и не ударил ни одного крестьянина по карману денежным, по 61—62-й ст[атьям], штрафом, заменяя каждый раз штраф арестом в свободные от крестьянских работ дни». При этом отношения его с крестьянами таковы, что мужики на сходах всегда снимают перед ним шапки [11, с. 208].

Очень интересно отношение авторов к самому закону о земских начальниках, негативные черты которого они же и описывают.

«Еще в бытность мою студентом <...> я слышался по поводу только что изданного закона <...> всяческой критики, исходившей как от некоторых наших московских профессоров, так и от авторитетных публицистов того времени. <...> Эта критика, не только в академическом смысле, но и на практике, имела за собой некоторое основание и само время мало-по-малу подсказывало необходимость внесения в закон некоторых изменений в смысле большего его уточнения. <...> Со временем, были урезаны и дискреционные права земских начальников, так что, в общем, через какое-либо десятилетие само «Положение» подверглось существенной модификации, в ущерб идее, положенной в его основание императором Александром III» — писал А. Н. Наумов [6, с. 186—187]. «Я могу откровенно признаться, что лично мне именно некоторая неопределенность его редакции давала полный простор моей молодой инициативе в давно желанном стремлении — приносить посильную пользу своему ближнему; открывалось широкое поле для живого творчества по оказанию действительной и непосредственной помощи сельскому населению — темному, малограмотному; запутавшемуся в сложных земельных неурядицах, далекому от правовой правды и должной защиты» [6, с. 187].

В. М. Янович считал закон очень хорошим, но признавал необходимость его корректировки, особенно он был против соединения судебных и административных полномочий в одних руках. [12, с. 121, 128].

В. А. Шомпулев, в силу своих убеждений, характеризовал закон как «твердое решение почившего Императора Александра III упорядочить жизнь деревни» и, несмотря на то, что «многие из высокопоставленных лиц в столице далеко не сочувствовали этой реформе <...> непреклонная воля мудрого Государя положила конец всякому в этом случае противодействию» [11, с. 188]. Деятельность земских начальников он считал очень полезной.

А. И. Новиков отмечал, что «в газетах различных лагерей идут постоянно споры, — с обеих, мне кажется, сторон пристрастные, — о пользе или вреде, принесенных нашей деревне введением института земских начальников. Упорядочение участка, последовавшее от энергичных и умелых настояний какого-нибудь земского начальника, служить часто для иных поводом к восхвалению самого института; рядом с этим внезапно появляется в противоположном лагере огульное осуждение института, вызванное каким-нибудь известием о безобразных действиях отдельного лица. Думаю, что и тот, и другой вывод грешат односторонностью» [7, с. 1].

С. Л. Толстой назвал закон «реакционным» [9, с. 180].

Своих коллег земские начальники рисуют разными людьми.

«Среди земских начальников есть не только хорошие и худые, но и полухорошие» — писал В. М. Янович [12, с. 85].

Гораздо более критичен В. Поливанов. «Контингент [земских начальников] комплектуется из отставных армейских офицеров, отличившихся в движении по службе и переобремененных семьей, и других неудачников <...>» [8, № 7—8, с. 60].

Так описывает своих возможных коллег земский начальник из Московской губернии, подписывавшийся В. Т-ъ. «С вечера терзали мою душу два попутчика, по-видимому из отставных военных, один молодой с очень глупым, но нахальным выражением лица, а другой — седой с выражением сонливым, почти идиотским. Оба без бород и без бак, но с усами, которые они то и дело закручивали один вверх колечками, а другой, молоденький, стрелочками в стороны. <...>

— Мерзавцы мужичье! Мужик розги просит, давно уж просит, и только господа либералы этого не признают... А скоро у вас будут земские начальники? — Говорят, скоро. — Тогда перейду из непрременных членов в земские начальники» [2, с. 239].

С. Р. Минцлов, описывая некоторых своих коллег, дает им очень нелестные служебные характеристики, которые, надо признать, подтверждаются архивными документами. (Например, земский начальник Лейдекер «собеседник незаменимый, остряк, балагур <...> сплетник он еще более незаменимый» [5, с. 112]. Дела, по собственному признанию, фактически не вел, предоставив делать это письмоводителю. Сам приезжал в камеру раз в неделю, а то и реже, на один-два часа [5, с. 133]. По документам личного дела, в 1911 году Лейдекера собирались отправить отставку из-за обвинения во взяточничестве и превышении служебных полномочий [10]). При этом Минцлов констатирует, что объем и условия работы земского начальника таковы, что «понятно, что земские бегут или, плюнув на все, берегут свое здоровье и экономят деньги, совсем забросив участки и выезжая в них лишь раз в месяц» [5, с. 169]. Сам он, получив предложение о другой работе, написал: «Слава Богу, я больше не земский начальник! Не будет у меня этого моря нелепых переписок, ведомостей о выеденном яйце, посылаемых в десятки мест и тысяч таких же дел» [5, с. 168]. Жалел о своей службе земским начальником и считал ее ошибкой С. Л. Толстой [9, с. 180]. Уволился с должности В. Поливанов, так как «трудно служить, не стараясь осмыслить своего дела, и совершенно невозможно служить, если смысл службы вами найден, но по предписанию свыше вам навязываю другой смысл, с которым вы не согласны» [8, № 7—8, с. 69].

Больше всех был доволен и гордился службой В. А. Шомпулев: «<...> я подал в отставку <...> и его величество соблаговолило пожаловать мне свой большой портрет с собственноручной на нем надписью, в которой, обозначив мое имя, отчество и фамилию, благодарил меня за долголетнюю доблестную службу предводителя дворян и земского начальника» [11, с. 180].

Таким образом, каждый из авторов получил от службы земским начальником что-то свое: опыт, разочарование, гордость, карьерную ступеньку и т. д. Но все они оставили нам ценнейшие сведения, которые позволяют увидеть всю сложность

и неоднозначность проблем в отношениях власти и населения, крестьянского менталитета, его влияния на успешность казалось бы, единственно возможных и логичных реформ и, иногда невольно, показывают все те нерешенные проблемы, послужившие предпосылками будущих потрясений в России.

Литература и источники

1. Б. Ж. (Барон Жомини) *О земских начальниках, их съездах и о деятельности сих учреждений* / Н. Г. Жомини, барон. — СПб. : 1898. — 17 с.

2. В. Т-ъ. *Из деревни (Из очерков жизни и службы)* / В. Т-ъ // *Русский вестник*. — 1895. — Т. 240. — № 9. — С. 225—244.

3. Короленко, В. Г. *В голодный год* // В. Г. Короленко. *Полное собрание сочинений*. — Т. 5. — Пг. : Изд. тов-ва А. Ф. Маркс, 1914. — 424 с.

4. Кошко, И. Ф. *Воспоминания губернатора (1905—1914)* / И. Ф. Кошко. — Пг. : Б. и., 1916. — 256 с.

5. Минцлов, С. Р. *Дебри жизни. Урал, Новгород, Малороссия* / С. Р. Минцлов. — Берлин : Сибирское книгоиздательство, Б. г. — 398 с.

6. Наумов, А. Н. *Из уцелевших воспоминаний, 1868—1917. Кн. 1* / А. Н. Наумов. — Нью-Йорк : Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. — 358 с.

7. Новиков, А. И. *Записки земского начальника* / А. Н. Новиков. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. — 240 с.

8. Поливанов, В. *Записки земского начальника* / В. Поливанов // *Русская Мысль*. — 1917. — № 3—4, 5—6, 7—8, 9—10.

9. Толстой, С. Л. *Очерки былого* / С. Л. Толстой. — Тула: Приокское кн. изд-во, 1975. — 470 с.

10. *Центральный государственный архив Республики Башкортостан. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1837. Л. 62.*

11. Шомпулев, В. А. *Записки старого помещика* / В. А. Шомпулев. — М. : Новое литературное обозрение, 2012. — 360 с.

12. Янович, В. М. *Итоги шестилетия. Заметки земского начальника* / В. М. Янович. — Пермь : Типография губернского правления, 1902. — 178 с.

Поступила в редакцию 25 ноября 2016 г.

МАМОНТ Екатерина Владимировна, экскурсовод, Государственный исторический музей (г. Москва).
Научные интересы: История России, аграрная, политическая и экономическая история, экономика в кризисный период, социальные проблемы общества. E-mail: catbayeva@gmail.com

*Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 1, pp. 30—36*

DOI: 10.14529/ssh170105

THE GOVERNMENT DISTRICT COMMISSARS (COMMANDERS): WRITTEN IN THE FIRST PERSON

E. V. Mamont, State History Museum, Moscow, Russian Federation,
catbayeva@gmail.com

This article is based on the memoirs of government district commissars (commanders) and it shows us their reasons of agreements with their work. Too it show us their activities, thoughts about government, career problems and relations with peasantry. Heterogeneity of list of government district commissars (commanders) considered. Shortcomings of the status of the government district commissars (commanders) nobility and dual the relation of public agents to holding this position are designated. Problems in perception of office tasks and complexity of relationship with colleagues are revealed. The relation to peasantry problems is described. The main shortcomings of the law on government district commissars (commanders) are found out. The results of service of authors and their personal assessment of the got experience are summed up.

Keywords: the government district commissars (commanders), memoirs, the peasantry, power and society, nobility, history, conservatism, reforms, Russian Empire.

References

1. B.Zh. (Baron Zhomini) *O zemskikh nachal'nikakh, ikh s"ezdakh i o deyatel'nosti sikh uchrezhdeniy* [Book about regional district commissars, their congresses and activities of these institutions], SPb., 1898, 17 p.

2. V. T. *Из деревни. (Из очерков жизни и службы)* [From the village. (Life and career memoirs)], *Russkiy vestnik* [Russian Herald], 1895, Vol. 240, no. 9, pp. 225-244.

3. Korolenko V.G. *V golodnyy god* [During the hungry years], *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete work collection], Vol. 5, Petrograd, A.F Marks Co. Publishing, 1914, 424 p.

4. Koshko I.F. *Vospominaniya gubernatora (1905-1914)* [Governor memoirs, 1905-1914], Petrograd, 1916, 256 p.

5. Mintslov S.R. *Debri zhizni. Ural, Novgorod, Malorossiya* [Labyrinths of life. Ural, Novgorod, Malorossia], Berlin, Sibirskoe knigoizdatel'stvo, without year, 398 p.

6. Naumov A.N. *Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917. Кн. 1.* [Surviving Memoirs, Book One], New-York, A.K. Naumova and O.A. Kusevitsky publishing, 1954, 358 p.

Исторические науки

---

7. Novikov A.I. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [A government district commissar memoirs], SPb., Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1899, 240 p.
8. Polivanov V. *Zapiski zemskogo nachal'nika* [A government district commissar memoirs], *Russkaya misl'* [Russian mind], 1917, no. 3-4, 5-6, 7-8, 9-10.
9. Tolstoy S.L. *Ocherki bylogo* [Sketches of the past], Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975, 470 p.
10. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [Bashkortostan Republic Central State Archive], Fund I-10, Op. [Register] no.1. D. [Case] no. 1837. L. [page] 62.
11. Shompulev V.A. *Zapiski starogo pomeshchika* [Old Landlord Memoirs], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 360 p.
12. Yanovich V.M. *Itogi shestiletiya. Zametki zemskogo nachal'nika* [The results of six years. A government district commissar notes], Perm', Tipolitografia gubernskogo pravleniya, 1902, 178 p.

Received November 25, 2016